

Доктор Су действовал быстро и ловко, закатал рукава, надел маску и, вооружившись ножницами, скальпелем, деревянной пилой и напильником, тут же приступил к делу...

Юэ Чжо и Хэ Буцзуй стояли за дверью, и от одних звуков изнутри у них сводило зубы. Всё это больше походило на то, как будто кого-то живьём разделявают на части.

В этот момент со двора донеслись шумные голоса, среди которых особенно выделялся пронзительный женский крик:

— Су Юйху, ты, чёртов лис, верни мне мужа!

Старшая дочь семьи Юнь от рождения была уродлива, и к тридцати годам так и не смогла выйти замуж. На этот раз ей наконец удалось сменить лицо на поддельное и обмануть жениха из другого города, но стоило ей умыться, как она овдовела. Жизнь словно пьеса, сплошные трагедии.

Поскольку старый управляющий, обычно стоявший на страже, уже лежал пластом и некому было выпустить собак, чтобы прогнать гостей, вся семья Юнь беспрепятственно ворвалась внутрь.

— Су Юйху, выходи, негодяй! Что ты сделал с лицом моей дочери?! — Глава города Юнь, ворвавшись в ворота, начал кричать.

Хэ Буцзуй взглянул на его безобразное лицо, затем на лицо Юнь Чжи и с кашлем произнёс:

— Прямо как говорится: ученик превзошёл учителя...

— Что ты несёшь! Ты кто такой, чёрт возьми? Убирайся с дороги!

Увидев, как Хэ Буцзуй потянулся к мечу на поясе, Юэ Чжо тут же отступила на несколько шагов назад. Её одежда была только что надетой.

— Су Юйху? Су Юйху ты...! — Глава города Юнь начал ругаться, но, заметив меч, приставленный к его шее, тут же сбавил тон:

— Ты... кто ты такой? Что тебе нужно?

— У меня сейчас нет желания убивать, если только он не человек.

— Я... ты...?

Хэ Буцзуй достал бронзовый медальон с изображением демона и показал его перед глазами главы города:

— У тебя есть один вдох, чтобы убраться.

Боже мой, когда этот старый лис Су связался с мастером секты Врат Преисподней?! Это же тот самый злодей, которого в мире боевых искусств лучше не трогать даже задом наперёд!

Глава города Юнь, испугавшись до смерти, схватил дочь и побежал прочь, оставив всех слуг в недоумении.

А за их спиной меч, полный убийственной энергии, уже был обнажён...

Два часа спустя Су Юйху, вытирая руки шёлковым платком, с изяществом переступил порог и наступил на что-то мягкое...

Он поднял голову и, увидев двор, усеянный трупами, слегка удивился, а затем с удивлением произнёс:

— Лян, старик, я и не знал, что наши собаки такие способные.

Хэ Буцзуй: [...]

Старый управляющий только что поднялся с земли и, услышав это, дрожащими шагами подошёл к двери, прищурился, чтобы лучше рассмотреть... и снова рухнул.

Тюрьма секты Врат Преисподней.

Надзиратель, подперев подбородок руками, с тоской смотрел на человека перед собой.

Тот, сидя на корточках с сомкнутыми ногами, держался с достоинством и изяществом. Его руки, сложенные в форме орхидеи, медленно расчёсывали длинные, ниспадающие на пол волосы. Глаза были пустыми, а губы шептали:

— Девочка, расчёсывай волосы, расчёсывай до тех пор, пока пшеница не созреет. Пшеница созреет, муку смолоти, хлеб испеки...

Это был уже третий охранник Ада Авичи, который сошёл с ума.

— Уведите его, — вздохнул надзиратель, приказав увести сумасшедшего.

Он, собравшись с духом, высунулся и, прислушавшись к звукам из глубины тюрьмы, тут же пошатнулся и, опершись о стену, вышел.

Чёрт возьми, это, должно быть, легендарная звуковая техника...

— Небо синее, поле широкое, ветер гнёт траву, и всюду волки... — Красочная красавица, опершись головой на руку, отбивала такт, лежа на кучке соломы, напоминающей собачью будку, и громко распевала песенку. Целый час, и ни одной ноты в такт.

Хуа Усинь, находясь в соседней камере, тоже не выдержал и, постучав по решётке, дал сигнал:

— Остановись, остановись, чёрт возьми, у меня чуть ли не внутреннее кровотечение не открылось.

Хай Шанфэй обустроил этой даме роскошную камеру с масляной лампой, столом, стульями, чайником и чашками. Янь Були с изяществом взял чашку, с изяществом выпил воду, с изяществом прочистил дымящееся горло и спросил:

— Хуа, мой министр, как продвигается строительство моего подземного дворца?

— Почти готово, только наткнулся на твёрдый камень, придётся изменить направление.

— Ц-ц-ц, всё же медленно, давай быстрее, дорогой.

— Ваше величество, крыса копает нору лапами, а я черпаком. К тому же я ещё и ранен, так что быстро не получится.

— Тогда я буду копать, а ты пой, чтобы прикрыть шум.

Янь Були думал, что Чи Юэ, возможно, сойдёт с ума и отпустит их, но, прождав так долго, он не получил никаких новостей. Ни допросов, ни наказаний, словно о них совсем забыли.

Подумав, они решили, что лучше сами найдут выход, и начали копать подземный ход. Хуа Усинь копал, а Янь Були пел, чтобы заглушить звук копания, но в итоге чуть не довёл охранников до самоубийства...

Хуа Усинь потёр онемевшие запястья и, обращаясь к стене соседней камеры, сказал:

— Давай остановимся, я не смогу спеть с твоей разрушительной силой, думаю, на этом этаже кроме нас уже никого нет.

Взглянув на ряд крыс, разбившихся о стену, Янь Були почувствовал глубокую печаль.

Раньше у него был голос мужчины, и петь плохо было простительно, но у Цзян Мочоу голос был чистым и звонким, как же так получилось, что он всё ещё обладает разрушительной силой?

Он действительно был загадочной личностью.

— Кстати, ты помнишь, как Инь Мэйсюэ пела ту песню с окраины? — Хуа Усинь с грустью вспомнил Инь Мэйсюэ.

Хай Шанфэй уже рассказал им, что Союз боевых искусств потерпел поражение, но они не знали, что случилось с теми двумя в хаосе битвы.

— Ах, это та, где «Река течёт на восток, не уходи, парень, укрощающий лошадей...»

— Пфф! Что за ерунда, это песня, которую поют девушкам! — Хуа Усинь с горечью проглотил ком в горле.

Из соседней камеры раздался насмешливый голос:

— Чёрт возьми, здесь же нет девушек, кому я буду петь?

— Не расстраивайся, вдруг есть глухая крыса, которая ещё жива? К тому же ты сейчас и сам девушка.

— Эх, тогда я спою для младшей сестры.

Вспомнив Юэ Чжо, Янь Були почувствовал горечь. В конце концов, он был бессилен и не смог защитить эту девушку. Если будет следующая жизнь, пусть она будет свободна, как птица на окраине, без забот и тревог, и проживёт счастливую жизнь.

В глубинах мрачного Ада Авичи снова раздалось ужасное пение. Хуа Усинь привычно заткнул уши кусками тряпки и, взяв черпак, продолжил своё дело по побегу.

На верхнем этаже тюрьмы кто-то остановился у двери, сделанной из чёрного железа.

— Ваш покорный слуга приветствует госпожу Цзин. — Надзиратель, кланяясь, вышел навстречу. — Вы такая важная особа, что привело вас в это грязное место?

— Я много лет работала с госпожой Цзян, мы были как сёстры. Теперь она в заточении, и я должна навестить её, чтобы не забыть прошлые заслуги.

Госпожа Цзин поправила свои чёрные волосы и слегка улыбнулась.

— Госпожа Цзин, вы действительно благородны.

— Хм. Просто хочу убедиться, что ей плохо, и я буду спокойна.

— ...

Надзиратель дёрнулся и спросил:

— Позвольте спросить, есть ли у вас приказ от господина озера?

— Хм? Я всего несколько лет не была в Долине Лазурных Глубин, и теперь, чтобы навестить заключённого, нужно проходить столько проверок?

Госпожа Цзин холодно подняла подбородок:

— Не волнуйся, я не дура, даже если захочу её убить, не стану делать это здесь.

— Конечно, конечно, я глуп.

Он посмотрел на двух мужчин позади неё и спросил:

— А эти двое...?

— Мои телохранители, ведь я сейчас без боевых навыков, и в таком месте нужно иметь хоть какую-то защиту.

— Это естественно, но если вы сейчас войдёте...

Надзиратель показал горькую улыбку:

— Сколько бы людей вы ни взяли, всё равно будет бесполезно...

— Бескрайняя пустыня, золотое море, поющая девушка, юбка, как цветок. Громящая река с неба, огненное вино, чтобы я был счастлив...

Резкие звуки с хаотичным ритмом, словно острые лезвия, пронзали толстые каменные стены.

Чёрт возьми, неужели Цзян Мочоу сошла с ума?

Госпожа Цзин и её спутники, зажав уши, добрались до камеры, потеряв половину сил.

Увидев знакомое лицо, Янь Були замолчал. Он моргнул, глядя на госпожу Цзин за решёткой, и с улыбкой сказал:

— Госпожа Цзин, какой честью я обязан вашему визиту?

— Просто поговорить по душам и принести вам небольшой подарок, чтобы выразить свои скромные чувства.

— Разговоры не нужны, подарок можете оставить, а сами уходите.

— Ц-ц-ц, какой жестокий.

Госпожа Цзин, подняв бровь, сказала надзирателю:

— Откройте дверь.

— Это...

<http://bllate.org/book/15303/1352390>